

Валет звёзд / The Knave of Stars (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Валет звёзд / The Knave of Stars
(рассказ)

Автор	Джон Френч / John French
Переводчик	T.I. Shean
Издательство	Black Library
Серия книг	Горианские войны (серия)
Входит в сборник	Горианские войны: Прорицание (сборник)
Предыдущая книга	Прощение мечами / The Absolution of Swords (рассказ)
Следующая книга	Госпожа ниточек / The Mistress of Threads (рассказ)
Год издания	2019
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Улыбайся, и все улыбнутся тебе в ответ.

Плачь, и ты будешь плакать в одиночестве.

Древняя терранская поговорка^[1]

- Говорят, ты хочешь обрести исцеление?

Клеандр фон Кастелян поднял голову и моргнул. Рассветные мухи отложили яйца в уголках его левого глаза под повязкой на нём, и у него было такое чувство, что, когда он спал, кто-то влил ему в рот кислоту. Над ним стоял худой человек с молочно-белой кожей, одетый в сшитые из лоскутов лохмотья, характерные для жрецов Декагога^[2]. Он не улыбался, и, по-видимому, не моргал.

- Я... - начал говорить он и облизнул губы. Рот был покрыт коркой, языком было трудно пошевелить. - Я... - попытался он снова. - Исцеление... да.

Жрец долго изучал его взглядом. За его спиной падали капли дождя, они проникали внутрь хибары сквозь дыры в прогнившей крыше. Клеандр видел серое небо, стало быть, на Панете Варн наступило очередное утро (или уже полдень?).

- Ты был богатым, - наконец сказал жрец.

- Я... я всё ещё богат, - сказал Клеандр.

- Ты можешь взять в руки груды золота, но они будут ощущаться, как свинец.

- Чего? Ещё рано сыпать такими премудростями, дружище.

Жрец склонил голову. Он всё ещё ни разу не мигнул, Клеандр был в этом уверен.

- У тебя есть монеты и драгоценности, и всё же ты явился сюда и теперь спишь в лачуге на задворках города. Ты начал с того, что принёс богатые пожертвования Каменным Храмам, но не увидел пользы в том, что они тебе дали. Ты кочуешь по городу от места к месту. Везде ты просишь помощи, ищешь, как снять бремя с души. Ты хочешь обрести исцеление, но ты не нашёл никакого толку в том, что другие говорили или дали тебе.

- Ты, похоже, хорошо осведомлён обо мне, - покачав головой, сказал Клеандр и начал вставать.

Он заснул, свернувшись калачиком, на кипе грязной одежды, прислонив спину к наименее повреждённой из стен хибары. Какие-то создания отложили яйца под верхним слоем ткани. Каждое из них было размером с кончик пальца и отливало ярко-синим цветом. Таких он раньше не встречал и на мгновение задался вопросом, что же это за новый вид вредителей.

- Кто ты такой? Я так полагаю, жрец, если судить по твоим, э... одежаниям, - он насупился, глядя на жалкий наряд жреца.

- Я из круга последователей Декагога, - сказал тот.

- Никогда не слышал о них.

- Ты лжёшь: ты искал нас.

- Что ж, думаю, можно и так сказать, - фыркнул Клеандр и принялся перекладывать одежду подальше от себя.

Её пятнали грязь и, возможно, рвота. Тёмно-синий китель был сильно помят. Большинство позолоченных пуговиц оторвались, даже на обшлагах рукавов.

Жрец не ответил ему и застыл в ожидании. Пролетая сквозь дыры в крыше, капли дождя стучали по его плечам.

Жрецы в изобилии водились на Панете Варн. Некогда - настолько давно, насколько это требовалось для придания легенде убедительности, - один тяжело больной адмирал, ожидая скорую смерть, возжелал перед кончиной подышать чистым, нерезциркулированным воздухом. Его офицеры вывели его флагман из Имматиума в ближайшей системе с планетой, располагающей пригодной для людей атмосферой, и переправили командующего на заболоченный южный континент этого мира как раз в то время, когда там начинался десятимесячный сезон дождей. Каким-то образом, обрушившийся с неба потоп не отправил больного поскорее в объятия лучезарного Императора, напротив, через два дня адмирал поднялся с койки, вновь обретя здоровье, и был готов отправиться на очередную войну.

Разумеется, его выздоровление было объявлено чудом, и благодаря этому Панета Варн стала известна как место исцеления. В последующие столетия на ней, подобно ярко-зелёным растениям, густо покрывавшим её болота, расцвели культы и суеверия множества видов. Некоторые придерживались мнения, что целительная сила заключена в самой планете, в её почве и реках, другие же полагали, что хвори побеждаются нисходящей с неба дождевой водой. Все они, однако, были едины в убеждении, что планета была благословлена самим Императором и её коснулась длань Его, в чём бы это ни проявлялось - в воде, молитвах или зловонии болот в периоды цветения.

На месте, где некогда обманул смерть адмирал, теперь стоял город - беспорядочное скопление построек

из дерева и камня, вознёсшимся над грязно-зелёной топью благодаря сваям. Бесчисленные храмы и монастыри соединялись дощатыми мостовыми и деревянными мостами. Самые старые и крупные святилища были возведены из больших штабелей серого камня с прожилками хрусталя, и назывались они Каменными Храмами – Клеандр не мог не отметить прискорбную нехватку воображения. Наступление и окончание сезона дождей знаменовали возвышение и упадок тех или иных ответвлений культа Императора. Были секты, которые проповедовали пользу поста, были и те, кто призывал до отвала насыщаться едой из планетарной флоры и фауны. Живодыхатели, кровеуравновешиватели, душечистители, воскресители и костевыправители – каких только сект здесь не было, и всех их можно было найти, пройдя по городу не более сотни шагов. Как обнаружил Клеандр, большинство сект окутывали покровом тайны всё, кроме требований платы. Однако была здесь и возглавляемая неким Декагогом клика жрецов, которые не гнались за новообращёнными, как торговцы – за клиентами. Они не привлекали к себя внимание, на улицах и мостах редко можно было увидеть их сшитые из лоскутов одеяния. Но ходили слухи, что они могли сделать цельной любую душу.

- Итак, чем же вы торгуете? – спросил Клеандр, встав на ноги.

Ножны от меча по-прежнему были при нём, но сам клинок куда-то пропал. Нервы всё ещё были на взводе из-за выпитого ночью спиртного.

- Мы не торгуем, – сказал жрец, всё тем же ровным тоном, что и в самом начале. – Мы предлагаем помощь тем, кто в ней больше всех нуждается.

- И мне так повезло подпасть под эти критерии, что вы решили найти меня и разбудить. Должно быть, удача благоволит мне.

- Мы можем помочь тебе, – сказал жрец.

В тот же миг, когда с его губ слетели эти слова, Клеандру почудилось, что стук капель дождя и шелест потоков воды исчезли и весь мир наполнился одним только звучанием его имени.

- Ка... – моргая, начал произносить Клеандр. На мгновение он почувствовал себя *свободным*, и он не мог бы назвать это состояние как-то иначе. – Как вы можете помочь мне?

- Мы может расплести узел, в котором запуталась твоя душа, -- сказал жрец в лохмотьях, затем он развернулся и вышел из лачуги на улицу, заливаемую серым утренним дождём. – Следуй за мной, и ты узришь.

- Вот, – сказал жрец и протянул Клеандру кипу сшитой из лоскутов одежды, ткань была чистой, но со следами невыведенных пятен. – Теперь это твоя кожа.

Клеандр посмотрел на свёрток, затем огляделся по сторонам. Жрец провёл его по городу через переплетение зданий, дорожек и аллей. Никто не обращал внимание на жреца, но Клеандра преследовали крики «торговцев верой». Наконец жрец завёл его в настолько узкий проулок, что его плечи чуть ли не задевали стены по обоим сторонам от него. Доски под ногами изрядно прогнили, а в щелях между ними виднелась ярко-зелёная поверхность болот.

Жрец открыл невысокую, но тяжёлую дверь, панель из ржавого коричневого металла. Внутри было тесно, в воздухе разливалось зловоние. Клеандр заметил у стены трубу системы отопления, отчего-то почерневшую, и смонтированный на ней люк. В деревянных нишах лежали свёртки с одеждой, такие же, как тот, что жрец собирался передать Клеандру.

- Мне этот цвет не идёт, - сказал он.

Жрец не издал ни звука и по-прежнему протягивал Клеандру одежду.

- Ладно, - наконец сказал Клеандр и взял свёрток. - Я так полагаю, у вас не найдётся таких атрибутов цивилизации, как маленькая раздевалка или хотя бы ширма, чтобы я мог прикрыться ею при смене одежды?

Жрец покачал головой.

- Хорошо, - вздохнув, произнёс Клеандр, снял китель и начал расстёгивать рубашку.

Как и прежде, жрец молчал, а его лицо ничего не выражало. Наконец, Клеандр просунул серый халат через голову. Его старая одежда валялась рядом на полу вместе с вещами, выпавшими из карманов: россыпь монет из разных металлов, серебряная фляжка, короткий нож.

- Вот мы, - сказал Клеандр, обернувшись к жрецу.

- Обувь тоже, - сказал тот.

- Но что тогда я буду носить на ногах?

Жрец молча глазел на него.

- Хорошо, - сказал Клеандр и принялся стаскивать ботинки.

Какое-то время ему пришлось попрыгать на одной ноге, разношенная кожа плохо поддавалась его усилиям. Он бросил ботинки сверху на грязную шёлковую рубашку и оглянулся на жреца.

-Теперь всё - ничего не осталось между моими стопами и полом.

Жрец указал ему на повязку, покрывающую его левый глаз.

- В самом деле? - сказал Клеандр.

Он снял повязку и показал незрячий бледный глаз под ней.

- Оставьте мне хоть что-то приличий ради.

Жрец помедлил в раздумьях, затем пожал плечами и начал собирать разбросанные одеяния, обувь и вещи.

- Аккуратнее, - сказал Клеандр. - Этот китель из числа моих любимых, а нож раньше принадлежал моему отцу...

Жрец подошёл к отопительной трубе и открыл люк. Клеандр увидел мерцание пламени и ощутил жар кожей. Затем жрец выбросил в трубу одежду и прочие предметы и закрыл люк.

- Превосходно, - сказал Клеандр. - Возможно, не совсем то, что я имел в виду, но...

- Ты - это не твоё прошлое, - сказал жрец и повернулся к двери на другом конце помещения. - Твоё прошлое приносит тебе боль. Оставь его, позволь ему сгореть, и ты станешь свободен. Ты станешь самим собой. Ты станешь здоровым.

Жрец открыл дверь большим железным ключом и жестом руки показал Клеандру, что тот должен войти

первым.

- Там всё, чего ты когда-либо хотел, - сказал жрец.

- В моей жизни я много чего хотел ...

Не отвечая ему, жрец наклонил голову, рукой он по-прежнему указывал на дверь. Клеандр посмотрел на поджидавшую его за ней тьму и вошёл внутрь. Дверь сразу же закрылась за ним. Он попытался повернуться, но земля разверзлась под ним и он упал во тьму и забвение...

Он очнулся и обнаружил, что лежит в пространстве столь узком, что его плечам чуть ли не было тесно, и столь низком, что он едва-едва мог поднять голову и не стукнуться ей при этом. Никакого света, и единственное, что он слышал, - звук собственного дыхания. Он заёрзал, беспрестанно задевая стены плечами, руками и прочими частями тела. Кожей он ощущал что-то грубое вроде пропитанного дёгтем дерева. Запах, правда, почти не чувствовался.

- Гроб, - услышал Клеандр самого себя. Шёпот раздавался очень громко в столь узком пространстве, залитом тьмой. - Я лежу в ящике для мёртвых и жду смерти... восхитительная мысль.

Время шло. Проходили минуты, часы, а затем он совсем потерял счёт времени. Он ускользал в сон и пробуждался с болью в затёкших мышцах. Потом его охватила жажда: сначала сухость во рту, затем всё тело запылало, череп и кожа затряслись, словно в такт барабанному бою. Сон и явь стали сливаться. Мрак разрывали видения яркие, как неоновые огни. Розовые и ярко-зелёные лица, оранжевые черепа. В голове звенели голоса и смех, глаза слезились. Нить времени пообтрепалась. Ломота в мышцах и боль во внутренних органах терзали тело, сначала по отдельности, а затем они слились воедино, когда вслед за жаждой пришёл голод. Он не помнил, не кричал ли он. Его безмолвие нарушали голоса, но он не мог сказать, принадлежали ли они ему либо кому-то другому и не были ли они лишь частью его снов.

Затем стены и крышка пропали. Вновь увидеть свет было всё равно что получить удар в лицо. Он съёжился, пытаясь увернуться от сияния. Он тяжело задышал. В его глазах мир был мутным пятном, веки были словно приклеены к ним. Он попробовал пошевелить конечностями и встать, но оказалось, что всё, на что его тело способно, - это только дрожать.

- Поднимите его, - раздался спокойный голос.

Клеандр почувствовал, что его схватили чьи-то сильные, совсем не деликатные руки. Свет и тени вращались вокруг него. Он пытался заговорить, но смог лишь слегка высунуть язык.

- Усадите его, - прозвучали слова, произнесённые тем же голосом, и Клеандр ощутил спиной прикосновение холодного камня. - Верните ему зрение.

Чужие руки ухватили его за лицо, раскрыли ему веки. В глаза брызнула холодная вода, он стал задышаться, а затем он скорчился, пытаясь поймать ртом утекающую жидкость. Капли закатились ему в губы, и это было настоящим блаженством. Кто-то крепко держал его за голову, остальные протирали ему глаза.

Он вновь обрёл зрение и увидел, что находится на помосте в тёмной комнате. Люминисферы на потолке отбрасывали тусклый свет. Его обступили фигуры в сшитых из лоскутов лохмотьях, пустые, лишённые выражения лица наблюдали за ним. Все эти люди выглядели похожими друг на друга, ничто в их внешности не бросалось в глаза, они не были ни уродливыми, ни прекрасными. Он беспрестанно дрожал.

- Таково существование, - сказал один из людей в лохмотьях. - Голод, дрожь, отчаяние, серые тона и неизбежные муки. Такова твоя жизнь. Такова жизнь всех, кто дышит в этой вселенной.

Клеандр, преодолевая сухость во рту, пытался произнести хоть слово.

- Ты уже знаешь, что все мои слова - истина, - сказал другой жрец. - Ты знал это всю свою жизнь. Ты всегда был серой бесформенной плотью, и ты знал, что течение времени принесёт тебе только пустоту. Один день сменяет другой и расплывается в тумане, дни без радости, дни без проблесков смысла.

Клеандр дрожал, и это было всё, что он мог сделать.

- Но во всём... - прозвучал третий голос. - Во всём теплится искра радости...

И тут один из людей с пустыми лицами вышел вперёд, неся глиняный кувшин. Кто-то другой приподнял его голову. И если раньше их прикосновения были грубыми, то теперь они стали нежными. Вода из кувшина полилась в его рот. Она была холодной, отдавала запахом болотных растений, но в тот же миг, когда она попала ему на язык, наступило блаженство, чистое, совершенное блаженство.

Они позволили ему опустошить кувшин. Его голову наклонили, между ней и камнем положили маленькую подушку из свёрнутой ткани.

- Вода жаждущим...

- Сухая ткань промокшим...

- Теплота в холоде...

- Холод в жаре...

- Снова и снова повторяется цикл...

- То, что считается пыткой в одном месте, в другом может стать спасением, стать источником наслаждения...

- Перегной готовит почву для роз...

- И страдание - корень всех удовольствий.

И когда жрецы говорили, Клеандр чувствовал, что от камня за его спиной распространяется тепло. Чья-то рука склонилась к нему и аккуратно раскрыла его рот. Его языка коснулся фрукт, кожура показалась горькой, но вкус сока и мякоти был восхитительным.

- Простые вещи, - вновь прозвучал первый из голосов.

- Вода...

- Свёрнутая ткань и наполовину созревшие ягоды...

- Руки, что оказывают помощь, а не приносят боль...

- О, как же чудесно!

- Чудесно!

- Но со временем ощущение чуда исчезает...

- Жажда проходит, и с ней наслаждение от холодной воды...
- Стоит только утолить голод, и ягоды становятся горше на вкус...
- К хорошему быстро привыкаешь и уже не ценишь руку помощи, как прежде...

Клеандр увидел, как люди в лохмотьях отошли назад и повернулись в сторону.

- Ты обречён на страдание, ибо ты больше не в силах узреть чудеса, что таятся под серой кожей твоего существования, - в унисон звенели голоса. - Желает ли ты, чтобы твоя душа обрела исцеление? Желает ли ты вновь познать радость?

Клеандр облизал мокрые губы. Он всё ещё ощущал во рту горьковатый привкус фрукта.

- Да, - сказал Клеандр.
- Тогда узри же мир, который вновь откроется твоему зрению!

Клеандр вскинул голову, когда хор жрецов повернулся к нему, и он осознал, что они были одеты не в лохмотья, а в изящные одежды из шёлка и бархата с вплетёнными в ткань нитями из меди, серебра и золота. Они словно сияли в его глазу, и это зрелище заставило его задержать дыхание. Они улыбались, и глаза их светились смехом. Сама комната тускло мерцала, и теперь он видел, что в её чёрных стенах были прорублены двери.

- Мы так много покажем тебе, - сказали жрецы.

Они дали ему новую кожу - так они называли одежду: кожа для серого внешнего мира. Она была вышита из мягкой синей ткани, её манжеты были изумительного багрового оттенка, а пуговицы были отлиты из чистого золота. Она идеально сидела на нём и обволакивала его как дуновение воздуха.

Закончив с этим, они повели его по храму. Это было не одно здание, а паутина путей, петлявших по городу, под ним и вокруг него. В одних местах коридоры были тёмными и неосвещаемыми, в других - свет был таким ярким, что едва не ослеплял. В каких-то помещениях пол был усеян осколками стекла, а где-то его покрывал мех столь мягкий, что ступать по нему было всё равно что прогуливаться в тёплом тумане. Жрецы вели его от места к месту. Некоторые из них разговаривали с ним, другие всё время молчали, кто-то смеялся, а один вообще плакал.

Он дремал на мягких перинах, однажды его кровать висела над пропастью, а в другой раз ему пришлось спать в бассейне, заполненном водой такой же тёплой, как кровь человека. Ему предлагали еду столь грязную, что он ей давился, и устраивали пиры столь роскошные, что они могли войти в число лучших в его жизни. Ни одно место не было похоже на другое, и каждое оставляло в его душе сильное чувство, которое цепляло его, как крючок - рыбу. Время шло. Он сравнивал себя с опавшим листом, уносимым рекой. Он не мог не признать, что ему было приятно. События не повторялись, во всём, что с ним происходило, малом или значительном, чувствовалось нечто особенное.

С ним были другие. Иногда только кто-то один. Порой множество: огромные залы были заполнены людьми в ярких одеяниях, с широкими улыбками и широко раскрытыми глазами. Они называли себя просителями. Большинство из них он видел только единожды. Они ели, пили, курили, плакали от восторга. Никто не рассказывал о том, кем они были и как жрецы нашли их. Многие из просителей говорили о Декагоге как о том, чьи слова могли проникнуть в суть души и перековать её заново. Большинство из них с нетерпением ждали этого, и никто не мог объяснить почему. Так текли дни, и он

не мог оценить, сколько же времени прошло. Одно мгновение переходило в другое, и он ждал.

Затем, когда он пробудился от навязанного наркотиками сна, в котором пламя танцевало над водой, к нему явился жрец и провёл его к открытой двери.

Он вошёл внутрь.

Там его ждала широкая комната с изогнутыми стенами и низким куполообразным потолком. Стены были облицованы простой штукатуркой, из-за чего выглядели бело-серыми. Ткань того же цвета, по-видимому, была наброшена на мебель, скрывая её очертания. После пройденного им безумного круговорота событий оказаться в такой комнате было подобно тому, как если бы с неба пропало солнце.

Посреди комнаты за грубо обтёсанным деревянным столом сидел мужчина, облачённый в одежду из лоскутов, но лоскутами в ней были бриллианты. Они были уложены мозаикой, одновременно контрастировали между собой и дополняли друг друга. Смотреть на них было всё равно что видеть, как солнечные лучи преломляются сквозь цветные стёкла витражного окна. Лицо мужчины было широким, незапоминающимся, глаза – тёмными.

Дверь за Клеандром закрылась. Человек с тёмными глазами, не мигая, наблюдал за ним. Клеандр шагнул вперёд и ощутил, что по его коже скользнуло прохладное дуновение воздуха. Он почувствовал сырость и уловил запах болотной воды. Он стал настороженно озираться по сторонам.

- Ты уже пресытился? – спросил тёмноглазый. – Видел ли ты уже достаточно?

- К чему это ты? – спросил Клеандр, всё ещё осматривая комнату.

- Перед тобой – очередной выбор, Клеандр фон Кастелян, – сказал Декаког. – Подойди ко мне и садись.

- Откуда ты знаешь моё имя? – не двигаясь с места, спросил Клеандр. – Я никогда не говорил его вам.

- Всегда кто-то да подслушивает секреты и хранит их, даже если ты доверяешь эти тайны только тюрьме твоего сердца. Я Декаког, Глашатай Истин. Подойди. Садись.

Последние из его слов Клеандр не только услышал – он почувствовал их, и сел в деревянное кресло, заняв за столом место напротив тёмноглазого.

- Мы показали тебя часть того, что может стать твоим, – сказал Декаког, – но твоя душа всё ещё пуста, Клеандр фон Кастелян, всё ещё не исцелена. Вот что я знаю. Всё, что мы представили тебе, не заполнило пустоту внутри тебя. Мы можем дать тебе то, чего у тебя никогда не было, но тебе придётся сделать выбор.

- Мне не нравится выбирать, – сказал Клеандр.

Человек напротив него слегка покачал головой.

- Нет, – сказал Декаког. – Тебе не нравится, когда у тебя нет выбора.

- И снова вы все, кажется, очень хорошо осведомлены обо мне.

- Ты прячешься за шутками и презрительной усмешкой, как за маской, Клеандр фон Кастелян, но здесь больше нет масок.

- Ну не знаю, с тех пор, как я оказался здесь, я точно видел парочку.

- И вновь ты укрываешься за щитом насмешки, но внутри тебя снедает страх, страх столь сильный, что если однажды ты выпустишь его на свободу, то тут же заплачешь горькими слезами.

- Я пришёл потому, что вы говорили, будто можете исцелить меня.

- Нет, ты пришёл потому, что так тебе велел сделать инквизитор, которому ты служишь.

Клеандр вскочил на ноги. Тёмные глаза Декагога напоминали чёрные жемчужины. Его бледное лицо оставалось лишённым выражения, разве что на нём мелькала тень улыбки.

- Но ты действительно хочешь вновь сделать душу цельной, Клеандр фон Кастелян, и мы действительно можем помочь тебе. - Он улыбнулся. - Садись.

И Клеандр вновь уселся в кресло.

- Тебе приказали найти нас, внедриться, укорениться и затем подставить нас под клинки твоего господина, - сказал Декагог. - Подобно тому, как здесь нет масок, нет здесь и секретов. Никто не найдёт тебя, и никто не придёт выручать тебя. Ты находишься во дворце, а не в темнице, и никто не может прийти к нам без приглашения.

- Правда? - сказал Клеандр, с трудом приоткрыв губы.

- Так и есть, - сказал Декагог. - Твой господин послал тебя сюда, поскольку он считал, что ты идеально подходишь для его задания, ибо твоя душа пуста. Но на самом же деле ты оказался здесь потому, что мы привели тебя. Мы тебя знаем. Мы хотим освободить тебя.

- Я так полагаю, произошло недопонимание, - сказал Клеандр.

- Но нет, - сказал Декагог. - Мы знаем, чего ты хочешь, мы знаем, что в тебе живёт тень. Позволь мне показать тебе, позволь мне поведать тебе...

- Я не...

- Мальчик ни к чему не годен, - раздался суровый, неприветливый голос.

Слова, готовые слететь с языка Клеандра, тут же исчезли. Декагог так широко открыл рот, что можно было увидеть его язык и зубы, но они не шевелились, а голоса всё равно исходили от него.

- Бракованный товар, - послышался голос его отца. Он звучал точно так же, как десятки лет тому назад, когда он прислонил ухо к двери. - В нём нет стержня. Не хватает самообладания. Он слабак. Он плакал на охоте, можешь ли ты поверить? Капелька крови брызнула ему на щеку, и он побежал к няньке. И это на глазах у Морио и всего его выводка, представь себе. Они хохотали до упаду.

- Верно, - прозвучал строгий и властный голос его матери. - Но мы не можем просто обрезать гнилую лозу.

- Жаль, что он, похоже, растёт здоровым. Было бы только кстати, если бы он был болезненным и как-нибудь подхватил лихорадку.

Разговор на время затих, были слышны только звук отцовских шагов и шелест материнских шелков.

- Должно быть другое решение.

- Например?

- *Его надо перевоспитать*, - прозвучал ясный голос матери. - *Закалить характер...*
- *Перевоспитать? Ты переоцениваешь способности его гувернёров.*
- *Я имею в виду не работу гувернёров. Я говорю о том, чтобы преподать ему урок.*
- *Например?*
- *У него есть любимчики среди придворных и слуг в поместье?*
- *Да, - прозвучал голос отца, - его няньки, смотритель северного флигеля, библиотекарь и ещё несколько человек.*
- *Сместим их с их должностей. Новые сотрудники получают приказы не говорить ему ни слова. Если у него возникнет хоть какая-то привязанность к кому-то из них, то виновного надо будет тут же сместить.*
- *Думаешь, сработает?*
- *Для начала. Тот одноглазый фелид, что ходил за ним по пятам, ещё жив?*
- *Вроде да.*
- *Надо забрать зверька от него и прикончить. Но хватит пока о Клеандре. Если мы будем говорить о нём и дальше, то только впустую потратим время. Перейдём к следующему пункту. Виола... её обучение и первичное кондиционирование проходят удовлетворительно...*
- Голоса больше не выходили из горла Декагога. Тот облизал губы. Его язык был синим.
- Ты в слезах убежал, - сказал он. - Они дали тебе череп зверька, который был твоим питомцем, и приказали держать его на виду возле кровати. Там он и оставался, пока они не погибли. Тогда ты взял череп и положил его вместе с их прахом.
- Клеандр ощутил боль в руках и посмотрел на них. Оказалось, он крепко сжал их, между костяшками пальцев виднелась кровь.
- Хороший питомец заслуживает достойных похорон, - сказал он и заставил себя пожать плечами.
- Декагог улыбнулся, а затем наклонил голову и вновь открыл рот.
- *Всё не так уж и плохо, братишка, - раздался ещё один голос - женский, похожий как на голос его матери, так и на его собственный. Кристина, его сестра, первая в линии наследования, та, которая получит всё то, чего у не будет.*
- *Имперский военно-космический флот... место ссылки для всех отбросов нашей династии с тех самых пор, как мы получили проклятый патент, - прозвучал голос, принадлежавший ему самому - гораздо более юному, но всё же ему. - А ты получишь корабль, даже кучу, и тебя не будут лет пять унижать на борту какого-нибудь ржавого учебного катера.*
- *Поверь мне: быть первым наследником - вовсе не то, что тебе бы пришлось по душе.*
- *Да ну? - прозвучал его голос.*
- *Не-а. - На какое-то время в комнате с серыми стенами наступила тишина, и затем снова раздался голос*

его старшей сестры. – *Слушай, просто старайся не раздражать мать и отца.*

– *Не раздражать? Я и не знаю как.*

– *Я серьёзно, Клеандр. Наша семья, она...*

– *Я знаю, – его голос звучал безжизненно.*

– *Я это знаю, братишка, – прозвучал её голос. – Вот почему я прошу быть осторожным. Дальше будет только хуже, не лучше.*

Декагог закрыл рот. На его губах проступили капли крови. Он смахнул их кончиком языка.

– *Кристина, – сказал он. – Твоя старшая сестра. А что с ней стало?*

– *Ты же знаешь, – сказал Клеандр. – Если голоса в твоей голове нашептали тебе так много, то ты знаешь и всё остальное так же хорошо, как и я, а я ведь на самом деле был там.*

– *О, я знаю, – сказал Декагог. – Я прочитал секреты твоего сердца. Послушай...*

– *Герцогиня фон Кастелян может принять вас, – прозвенел голос Казулата, и в голове у Клеандра всплыли воспоминания о мажордоме подобно тому, как смятый лист бумаги может быть разглажен на столе.*

Клеандр оказался перед входом в личный кабинет матери. Он вступил внутрь, и гордые лица с висящих на стенах портретов сурово смотрели на него, пока он шагал по ковру. Она стояла за громадным рабочим столом из чёрного дерева, над которым висели многочисленные голо-проекции, наполненные цифрами и словами. Она переводила взгляд с одного экрана на другой, но не смотрела на него. Клеандр остановился прямо перед столом. Она всё равно не обратила на него внимания. Он достал из нагрудного кармана куртки серебряный футляр, вытащил из него палочку лху, зажёлг и затынулся.

– *Мерзость, – голос матери вышел из горла Декагога.*

Он выдохнул. Большое облако дыма проплыло сквозь гололитические образы.

– *Как ни странно, я хотел сказать, что ты хорошо выглядишь, – прозвучал голос, что принадлежал ему.*

Она выключила голо-проекции и посмотрела на него. Её узкое лицо было прекрасно, кожа на нём была гладкой и подтянутой, а в её глазах читалась непреклонная, как камень, воля.

– *Уже издан приказ о твоём зачислении в Военно-космическую академию на Бакке, – прозвучал голос матери.*

– *Я знаю. Не сомневаюсь, меня там ждут с нетерпением.*

– *Ты улетаешь через пять часов.*

– *Тебя не кажется, что такая спешка немного неуместна? В конце концов, известно, что удовольствие только усиливается от предвкушения.*

– *Ты сам всё понимаешь, ты ведь часть нашей семьи.*

– *Да неужели? Как же мило с твоей стороны было это подтвердить. Не соизволите ли изложить*

эти слова письменно, Ваша светлость герцогиня фон Кастелян?

- Не опозорь нас. - Её голос стал ниже, принял угрожающий тон. *- Не опозорь династию. Не опозорь меня.*

Он пожал плечами. Как он припоминал, в своё время путём бесчисленных проб и ошибок он выяснил, что этот жест был одним из тех немногих действий, что не вызывали гнев родителей. Ему довелось узнать, что жизнь может быть полна наказаний. Некоторые были грубыми, другие – тонкими, и это было даже хуже. В пору его юности жестокость пропитывала всё, что окружало его, каждый день, с утра и до ночи.

- Я над этим подумаю, - сказал он.

И вот тогда с неожиданной для него быстротой мать обогнула стол и встала вплотную к нему. Глаза пылали на её суровом лице.

- Я тебя знаю, - её голос шипел.

Она оказалась так близко к нему, что в её дыхании он уловил запах корицы от выпитого ей зелья-стимулятора. Уже тогда он был выше и шире её в плечах, мужчиной, а не мальчиком. И всё же он отпрянул от неё.

- Хотела бы я не знать тебя, но я тебя знаю, малыш. Ты дышишь моими лёгкими. Моя кровь течёт в твоих венах. Твои кости вылеплены мной. Ты можешь говорить потому, что я дала тебе язык. И я знаю, что всем этим ты пользуешься только для того, чтобы жить впустую. Ты выродок в нашей семье. Чванься и ухмыляйся, сколько влезет, но никогда не забывай, что я могу отобрать у тебя всё то немногое, что приносит тебе радость.

И мать выхватила из его губ зажжённую палочку лхо, положила в рот и затянулась ей так сильно, что её кончик обуглился.

- Дай мне руку, - раздался голос матери.

- Не надо, - его голос звучал уже не гордо и чванливо, а тихо и подавлено.

- Дай. Мне. Руку.

И он протянул ей руку.

В серо-белой комнате, под немигающим взглядом тёмных глаз Декагога, Клеандр вцепился руками в подлокотники кресла.

- Ты грустил по родителям, когда их убили? - спросил Декагог.

- О, я пролил океан слёз.

- Ты чуть не упился до смерти.

- Если бы я и умер, то я бы просто исполнил их желание, - улыбнувшись, сказал он.

Декагог на минуту замер, затем его губы вновь открылись.

- Кто-то перепрограммировал кибертигров и сервогончих, которые использовались на той охоте, - прозвучал голос Виолы. *- Инфоджинн в блоках управления. Мы попросим техножрецов поделиться с*

нами находками, но ясно, что саботаж был тонким. Возможно, инфоджинн годами прятался в устройствах, ожидая кода активации.

- А Кристина? - раздался его собственный голос.

- Мы полагаем, она успела пристрелить пять зверей, прежде чем они сбили её с ног.

- Она умерла быстро?

- Нет, - прозвучал голос Виолы. - Не быстро. Собаки охотничьей стаи... сначала обездвигили их и затем... Вокс-связь тоже была нарушена. Возле места охоты никто не мог услышать их.

- Я хочу знать, кто это сделал, Ви, - его голос звенел, в нём звучал холодный, еле сдерживаемый гнев.

- Я работаю над этим, но...

- Как только мы узнаем, кто это, я хочу устранить их, кем бы они ни были, понимаешь? Грязно, в открытую. Любой ценой.

- Нам не следует...

- Я отдаю тебе приказ. Теперь я глава династии, и то, что я повелеваю, должно быть исполнено. Так положено, не правда ли?

В воздухе между ним и Декагогом повисло молчание, как и в тот миг, когда Виола взглянула на него и склонила голову.

- Раз ты приказываешь, то будет исполнено, - прозвучал её голос, и ему вспомнилось, что тогда она повернулась к выходу из комнаты, которая ещё недавно была кабинетом их матери.

- Не ради них, - раздался его голос, и в его памяти осталось то мгновение, когда эти слова заставили её замереть. - Ради неё, ради Кристины. Все будут думать, что это сделал я. Но я...

- Я знаю, - прозвучал голос Виолы.

Клеандр вздохнул и на мгновение закрыл уцелевший глаз.

- И с тех пор ты только и делал, что сбегал от самого себя, - сказал Декагог. - Ты получил всё то, в чём тебе прежде отказывали, и ты кинулся заниматься чем угодно, что позволило бы тебе скрыться от самого себя. Мы знаем. Мы были с тобой, когда ты плясал среди звёзд с клинком головореза в руках. Мы были с тобой, когда ты подносил кубок к губам, чтобы забыться. Скрип колёс, блеск золота, сияние звёзд - мы были с тобой. Мы знаем тебя, и мы хотим, чтобы ты обрёл цельность. Мы хотим, чтобы ты обрёл свободу. И мы знаем, что ты и сам хочешь получить всё то, что мы можем даровать тебе.

На губах Декагога появились алые жемчужины крови. Возле его глаз замерцали кристаллы инея. И в то время, как он говорил, серая комната пришла в движение. Бело-серые ткани, которые как будто бы завешивали мебель, вздымались вверх, раскрывались и раскачивались в воздухе, словно подхваченные ветром. Но то был не ветер. Ткани колыхались, на них проступали яркие цвета: золотой, серебряный, охряной, пурпурный, перламутровый, угольно-чёрный. Из-под них вскинули головы люди с вытянутыми конечностями, длинными шеями и кожей гладкой и ухоженной. Все они широко развели уголки губ в улыбке. Их глаза сияли. Толпа обступила Клеандра, люди в ней пока не сказали ему ни слова, но от них исходили шепотки и всхлипывания, смешки и вздохи. Все они взирали на Клеандра.

- Они были такими же, как ты, но теперь они благословлены. Взгляни же на них ныне... Смотри!

И он посмотрел и увидел радость в гладких лицах, а из губ их вышел смех. Он огляделся по сторонам и обернулся к Декагогу.

- А знаешь, - сказал Клеандр, изо всех сил пытаясь говорить непринуждённо в то время, как в пустоте его души раздавались отголоски былого веселья, - из тебя вышел сносный чревовещатель, но, сдаётся мне, тебе не помешало бы ещё немного отточить мастерство прежде, чем выходить на сцену.

Декагог, по-прежнему не моргая, склонил голову на блок.

- Довольно любезно с твоей стороны было развлечь меня столь занимательными рассказами, - продолжил Клеандр. - Поистине, я обязан ответить тебе тем же. Ты так охотно говорил обо мне и о том, чем ты можешь мне помочь, но ты очень мало сказал о самом себе. - Он прикрыл рот рукой. - Я чревовещать, как ты, не умею, но что ж, полагаю, я человек несколько старомодный. Написанные пером и чернилами отчёты и донесения на листах с печатью Инквизиции - это, конечно, не секреты, нащёптанные потусторонними силами, но тоже неплохо.

Он улынулся окружившей его толпе.

- Понимаете, я вас знаю. Я знаю всех вас. Я знаю о вас всё. Вы называете себя жречеством потому, что это то, чем вы хотите быть, да и что плохого во лжи, если она позволяет немного скрасить день? Некогда вы все были лжецами, - он махнул рукой в сторону Декагога, - лжецами, готовыми надуть любого болвана, кто слушал вас в тщетной надежде на исцеление. Вы торговали микстурами и молитвословами, продавали яды под видом лекарств. Но тебе этого было мало, и ты стал искать другие способы извлечь выгоду из паломников - порочные, извращённые способы. И вот тогда нечто услышало тебя, нечто, что незримо собирает секреты, услышало и решило одарить тебя толикой того, чего ты так страстно желал. Власть. Истины, на основе которых можно сочинять выдумки. И с тех пор ты в самом деле обрёл способность менять жизни людей. Тебя стали отчаянно искать сломленные люди с опустошёнными душами, и ты принялся переделывать их по своему образу и подобию - в жречество лжецов и тайных грешников, которые начали высасывать из города все соки, как клещи, вцепившиеся в хвост пса. А что касается тех, кто не стал посвящённым... что ж, ты нашёл им другое применение.

Понимаете, я знаю о тех самых комнатах, куда вы доставляете тех, кто нашёл вас и не стал одним из вас. Я знаю о красной комнате, о чёрной комнате, о белой комнате. Я знаю о ваших подпольных пиршествах. Я знаю о едоках и певцах, знаю о тех бесформленных существах, которые только и делают, что спят и жрут. Я понимаю, что значит стать одним из вас, и мне даже не надо видеть это лично.

Люди, облачённые в сверкающие украшениями одежды, оказались ближе к нему, чем прежде, хотя он и не видел, как они двигались. Пока он говорил, в комнате стало холоднее.

- Потом появляется кто-то вроде мне - угроза, настоящая угроза, - но в то же время тот, кто обладает столь многим из того, о чём ты мечтаешь: властью, богатствами, друзьями как в высших сферах, так и на дне общества. А ты жаден. Не то чтобы я тебя в этом особенно виню - к этой минуте алчность стала неразрывна с твоей натурой. И тебе приходит в голову, как прекрасно было бы превратить того, кого послали тебя уничтожить, в одного из вас. В конце концов, - раскрыв рот в ухмылке до ушей, он принялся манерно растягивать слова: - я такой же, как ты, - тот, кто жаждет сделать душу цельной, ибо она опустошена тяготами жизни. И ты думаешь, а вдруг получится.

И знаешь что? Ты прав. - Он кивнул Декагогу. - Я идеально подхожу вам. Я убивал, выпивал, предавался

любимым излишествами, которые я только мог найти. И мне никогда их не было достаточно, никогда я даже не был близок к пресыщению. Так что я могу понять, почему ты думал, что у тебя получится убедить меня сменить сторону. Но...

С лица Клеандра постепенно слезла улыбка. Толпа разъяренных жрецов, как ему казалось, была совсем близко, и уголком глаза он заметил, что отблески света от украшений на некоторых из них стали болезненно-яркими. Он поднёс руку к повязке и сдвинул её вбок. Взорам жрецов открылся незрячий сероватый шар, и на мгновение они замерли, пока в их сердцах замешательство боролось с жаждой действий.

- Но кое-чего ты не понимаешь, а ведь надо было понимать. - И он вытянул из головы глазное яблоко. - И вам надо было проверить меня более тщательно.

Он надавил на шар из бледной плоти, и скрытые внутри интегральные схемы и экзотические механизмы выскочили наружу, подобно косточке плода. Ненадолго замерцал красный огонёк.

Крики толпы переросли в визг. Клеандр рывком покинул кресло. Толпа разъяренных жрецов кинулась к нему. Клеандр швырнул в неё фальшивый глаз. Декаког встал на ноги и поднял руку. Белый иней и чёрный дым выходили из его рта. К Клеандру подбежал жрец в одеянии из позолоченных чешуек. Клинки заменяли ему пальцы, а в губы его были воткнуты шипы. Клеандр схватил его и загородился им.

Глаз взорвался. Ослепительный свет заполнил весь зал. Всплеск энергии, как коса, разрубал туловища и конечности, кровь мгновенно сворачивалась и превращалась в пепел. Ударная волна врезалась в схваченного Клеандром жреца и отшвырнула их обоих назад. Культист умер с воплем на устах, Клеандр тут же отбросил труп в сторону и вскочил на ноги.

Ещё один враг. Его кожа и шелка на ней пылали огнём. Клеандр пнул кресло в сторону жреца, и тот отпрянул, загремев браслетами из нефрита и аметиста. Он пошатнулся, Клеандр рванул вперёд, влетел в жреца, сплёл руки вокруг его шеи и дёрнул изо всех сил. Культист начал падать, его позвонки сломались ещё до того, как он в конвульсиях рухнул на пол.

Ещё двое ринулись к Клеандру. Ударом ноги он добил поверженного, затем развернулся, схватил кресло, сместился и обрушил его на голову первого из двойки врагов. Дерево разлетелось в щепки. Жрец повалился наземь, заодно задев и уронив напарника. В руке у Клеандра осталась часть сломанной ножки от кресла. Жрец начал подниматься. Клеандр вонзил в него заострённый конец деревяшки - один раз, второй, третий... А затем ещё один противник, и ещё один, и ещё... Клеандр выхватил нож из руки культиста и воткнул ему в горло... Другому сломал шею... Третьего приложил головой об пол... Мимолётные мгновения, мир закружился вокруг него в вихре из пламени и воплей. Кровь забрызгала его лицо, в комнате начался пожар, пустота переполняла его и выплёскивалась наружу.

И он снова очутился в старом особняке, превратился в одинокого ребёнка в доме, полном людей.

Затем в юношу в кресле за столом в кабинете матери. Гололиты и инфостанки выключены, персоналу приказано удалиться, и безмолвие окутало его в тот миг, когда он зажёл палочку и слёзы потекли по его щекам.

Потом - в повзрослевшего мужчину за столом напротив Ковенанта. В помещении только они двое.

- На самом деле, у меня нет выбора, - сказал он.

- Всегда есть выбор, - сказал Ковенант.

Декагог не шёл вперёд, он застыл на месте, его голова покачивалась, рот дрожал, и чужие голоса вылетали из него.

- Мерзость...

- От него нет никакого толку...

- Пустышка...

- Какую-нибудь пользу из него можно извлечь, но не более того...

- Дай мне руку...

В воздухе вокруг головы Декагога вспыхивали и пропадали разноцветные образы. По его подбородку стекала кровь. Его гладкое лицо раскалывалось и крошилось, а на коже, по мере того, как исчезали некогда обретенные им дары, проступали приметы его истинного возраста. Клеандр приблизился к нему и ощутил отзвуки чувств. Сладость поцелуя, вкус мёда и молока, гул бесчисленных голосов – и все повторяли его имя, и все затихали. Пожар охватил деревянные стены и пол. Некоторые из пышно одетых жрецов ещё дергались в предсмертных конвульсиях. Большинство же неподвижно лежали в лужах крови с неестественно загнутыми конечностями. Клеандр остановился перед Декагогом. Конечности жреца превратились в жёрдочки, с костей комками свисала тонкая, как бумага, кожа. Он сжимал кинжал уродливыми пальцами, на его лезвии играли отблески пламени. Клеандр ухмыльнулся, подсёк ноги лжесвященника, и тот упал наземь.

Декагог раскрыл рот, показав раздвоенный чёрный язык.

- Лучше бы он умер в младенчестве...

Клеандр присел на колени.

- Меня убили, братишка... Гончие, их пасти... Я была жива и оставалась в сознании всё время. Я звала на помощь, но никто не пришёл...

Он выхватил кинжал из кисти Декагога.

Снова раздались крики. Голос его старшей сестры сливался с мурлыканьем его питомца.

- Хочешь узнать секрет? – сказал Клеандр, сверху вниз глядя в глаза Декагога. – Мне на всё плевать. В сердце всего в этой жизни лежит одна вещь. Не надежда, не наслаждение, не власть. У меня ушло много времени на то, чтобы понять это, и я потратил много времени на то, чтобы сбежать от этой истины, но в итоге я смирился. Ничто не может спасти нас, никто о нас не позаботится. Ты можешь предложить мне всё что угодно, но это «всё» стоит равным счётом ничего. Есть только ничто. Только пустота, которую мы называем жизнью и, возможно, ещё смех вселенной.

Глаза Декагога мерцали, а кровь вокруг них свёртывалась коркой и превращалась в лёд.

- Твоя душа принадлежит нам, Клеандр фон Кастелян... нам.

- Знаешь, что мне больше всего по душе? – сказал Клеандр, взглянув на кинжал и еле заметно улыбнувшись. – Смеяться последним.

Он вонзил кинжал.

Затем он выпрямился, обтёр лицо и нахмурился. Как на голове, так и на руке кожа была липкой от крови. И ни капли её не принадлежало ему. Он закашлялся. Дым заполнял комнату. Вероятно, передатчик в микрогранате сработал, как положено. К нему придут Данника, Йозеф и прочие. Вероятно. Всё, что требовалось от Клеандра, – найти Декакога, подтвердить личность цели и устранить его. Это он и сделал. Дальше – зачистка, много убийств, мало милосердия и довольно много костров, уж в этом он не сомневался. Но, как бы то ни было, его часть операции закончилась. Пока так.

Он прошёл к двери, осмотрел её и пинком вышиб в коридор. Ему надо бы найти путь наружу из «храма». Он бы предпочёл пока никого не видеть, да и, в любом случае, какое-то время другие будут сильно заняты.

Помедлив, он оглянулся на пылающую комнату. Огонь начал пожирать искривлённые жаром тела жрецов. Он повернулся и пошёл прочь. С каждым шагом его походка становилась всё более чванливой. Он решил, что ему надо выпить.

1. Немного видоизменённая цитата из стихотворения американской поэтессы Эллы Уилер Уилкокс (1850 – 1919 гг.) «Одиночество» («Solitude»), ставшая крылатым выражением: «Laugh, and the world laughs with you; / Weep, and you weep alone...». Дословный перевод: «Смейся, и мир будет смеяться с тобой; / Плачь, и ты будешь плакать в одиночестве...». (Здесь и далее – примечания переводчика.)
2. Прозвище «Декагог» (the Decagogue) составлено из древнегреческих слов «дека» (δέκα) – десять – и «агогос» (ἀγῳγός) – ведущий, – наподобие слова «демагог».

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Валет_звезд_/_The_Knave_of_Stars_\(рассказ\)&oldid=25991](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Валет_звезд_/_The_Knave_of_Stars_(рассказ)&oldid=25991)

Эта страница в последний раз была отредактирована 17 сентября 2024 в 06:20.